

УДК 316.61

НАТАЛИЯ ЧЕРНЫШ,

доктор социологических наук, профессор,
заведующая кафедрой истории и теории социологии
Львовского национального университета имени Ивана Франко

Влияние доверия и доверительных отношений на становление новейшего социального института волонтерства в современной Украине

Аннотация

Автор характеризует специфику формировавшейся веками украинской культуры доверия и ее современные модификации. Аргументируется положение о том, что доверие в нынешнем украинском обществе выступает основой для создания новейших социальных институтов. Рассмотрены особенности становления одного из таких институтов, а именно института волонтерства, базой которого является распространение доверия как в горизонтальном, так и в вертикальном измерении. Проанализированы профили волонтерства в военной и гражданской сферах.

Ключевые слова: доверие, доверительные отношения, недоверие, институционализация доверия; прежние, новые и новейшие социальные институты; волонтерство как новейший социальный институт; гражданское общество

Анализ тематики современного социологического теоретизирования и практических исследований в данном русле фиксирует заметные различия в разных странах мира и служит наглядным отражением различного положения этих стран на лестнице социально-экономического, социально-политического и культурного развития. Внимание представителей наиболее известных национальных школ социологии западного мира сконцентрировано в наши дни на процессах глобализации и их последствиях. По крайней мере так это выглядит при внимательном прочтении последних работ известного британского социолога Э.Гидденса в сотрудничестве с Ф.Саттоном; в их совместных публикациях последнего времени подчеркивается, что именно теории глобализации доминируют сегодня в контексте понима-

ния направлений нынешних социальных изменений (подр. см.: [Ивашенко, 2015: с. 194]). По-видимому, это можно объяснить тем, что наиболее острые внутренние социальные проблемы в этих благополучных странах уже почти разрешены и мощная “социологическая интервенция” (по словам А.Турена) осуществляется в данное время преимущественно в те сферы, где их удельный вес возрастает и выходит за пределы одного общества либо касается уже не одной страны, а определенного региона или человечества в целом.

Однако в отечественной социологии сегодня весьма распространены сюжеты, связанные с внутренней жизнью нашей страны, и это также понятно, ведь именно внутри современного украинского общества существует великое множество без преувеличения витальных проблем существования и даже выживания людей, что требует радикального социологического вмешательства. Украинское академическое сообщество всегда пристально следит за публикациями, издаваемыми Институтом социологии НАН Украины — нашей базовой ячейкой, с нетерпением ожидая от них своего рода руководства к действию для актуальных исследований и осмысления качественно новых процессов и явлений. Поэтому выход в свет одного из последних коллективных изданий ведущих социологов этого Института, где внимание акцентируется на смене отечественной социологической моды [Общество без доверия, 2014], вызвал широкий общественный резонанс и побудил к внимательному прочтению и появлению ряда суждений по поводу опубликованных в нем положений и обобщений.

Наши киевские коллеги в своей работе “Общество без доверия” говорят об устарелости сюжетов глобализации, постмодерна и идентичности; на первый план новомодной тематики (в пределах Украины) выходит доверие; применительно к украинскому социуму времен Януковича используют понятие “общество без доверия”; системной характеристикой украинского общества провозглашается антипод доверия — недоверие; социологов призывают изучать прежде всего все то, что связано с недоверием [Общество без доверия, 2014: с. 5–8]. Это лишь краткий итог осуществленного исследования касательно специфики Украины. В целом названная коллективная монография стала заметным явлением в сфере размышлений о специфике нынешнего украинского социума, опирающихся на широкую теоретическую базу, с использованием новейших достижений лучших социологов мира и поэтому служит стимулом для углубленных рефлексий в отечественном профессиональном социологическом сообществе.

Однако, на мой взгляд, нацеленность социологической оптики в этой работе преимущественно на недоверие в противовес доверию как основе социальной интеграции и редукция целого комплекса проблем доверия и доверительных отношений к явлениям недоверия, его распространенности и роли в украинском обществе, — все это представляется несколько некорректным и не отражает реального состояния нашего общества в данной плоскости. Пожалуй, в истории человеческого развития нет обществ, где бы не существовало доверия: без него они просто не смогли бы функционировать. Даже режим Януковича во многом основывался на доверии между членами “Семьи” в реализации своих махинаций. Конечно, научному продукту социологов можно дать эпатажное название, которое непременно привлечет внимание массового читателя. Но является ли данный тезис (“общество без доверия”) настоящим отражением тех процессов и явлений, реально

определяющих изменения в нашей стране? Так, в перечне социальных институтов последнего времени только для 4–5 наблюдается позитивный баланс между доверием и недоверием к ним со стороны населения, но это не означает, что доверие вовсе исчезло с украинских горизонтов. Доверие сегодня модифицируется, приобретает новые черты, следствием чего являются существенные изменения в украинской культуре доверия, формировавшейся веками (что, впрочем, представляет тему отдельного научного исследования). К слову замечу лишь, что в прошлом в Украине сформировалась своя, во многом уникальная палитра социальных связей и своя, специфически украинская культура доверия с определенными устойчивыми признаками: это прежде всего горизонтальная плоскость его бытования; преобладание чувств и эмоций над разумом и рациональностью; созерцательная (в отличие от действенной) мироустановка; распространенность стремления к взаимодействиям, связанным с организационными формами небольших территориальных единиц, сел или жилищных сообществ; нацеленность на взаимодействие и со-действия в небольших по масштабам и основанных на чувствах “общностей переживания” (к примеру, соседство, кумовство или побратимство) и нежелание планировать и со-действовать в широких общественных масштабах, с проявлением чувств широкой солидарности (крупнейшей коллективной акцией украинцев в недалеком прошлом А.Кульчицкий называет толоку) (подр. см.: [Кульчицкий, 1995: с. 714–715]).

Обретение Украиной независимости, формирование собственного государства, оба Майдана и, не в последнюю очередь, вооруженная интервенция России привели к появлению новых форм самоорганизации граждан, основанных не на инициативах “сверху”, а на активностях “снизу”, многие из которых возникают и институционализируются именно благодаря росту доверия граждан друг к другу. Автоматическое использование теоретических наработок мировой социологической мысли для изучения украинских реалий продемонстрировало свою недостаточность, а порой и несостоятельность. Поэтому перед украинскими социологами открывается широкое поле для эмпирических исследований, а также для дальнейшего развития на этой почве социологического теоретизирования по поводу доверия/недоверия и их преобразований в стране переходного типа, успешности/неуспешности формирования и функционирования новейших социальных институтов, одной из основ которых являются доверие и доверительные отношения. По моему мнению, вполне уместен вариант осмысления указанных феноменов в их связи с волонтерским движением. Я считаю волонтерство новейшим социальным институтом современной Украины, который прошел определенные этапы становления — от горизонтальной плоскости связей, отношений и регуляций (на межличностных, а затем все больше на межгрупповых доверительных основаниях) до их модификации в вертикальной плоскости на базе образования и распространения институционального типа доверия; и этот процесс еще далек от завершения.

Волонтерское движение с безусловным доверием между его участниками чуть ли не впервые массово проявилось во время Майдана-2 и Революции достоинства; его начало приходится на позднюю осень и зиму 2013 года и достигает пика в 2014–2015 годах; а 2016-й становится годом уровневых трансформаций в волонтерстве и зарождения его новых форм. По разным данным, в волонтерских акциях с тех времен приняли участие от половины

до почти 80% взрослого населения страны (последнюю цифру назвал в одном из своих выступлений Президент), и можно с уверенностью констатировать, что ни одна страна Европы, а то и мира, до этого не знала подобных масштабов волонтерства. Отмечу также, что волонтерство в его украинской версии существенно отличается по организационным формам и наполненности от волонтерства в развитых странах мира, где оно распространяется в незначительных проявлениях индивидуальной активности, разовых акциях, часто организованных “сверху” (как, например, в американских школах, где школьники должны набрать определенное количество баллов за благотворительную деятельность, которое затем входит в общую оценку).

По моему мнению, именно в 2015–2016 годах происходит кристаллизация волонтерства в Украине в качестве третьей — новейшей разновидности социальных институтов нашей страны в ситуации, когда первая и вторая разновидности, организованные “сверху”, сегодня резко теряют в своей значимости и общественном весе. Вспомним ряд концептуальных положений из статьи Н.Паниной и Е.Головахи касательно уникального феномена двойной институционализации начала 2000-х. Авторы статьи полагали, что после декады независимого существования украинского государства в нашей стране сложилась ситуация двойной институционализации, в которой они уже тогда справедливо усматривали тормоз процесса демократической трансформации общества [Панина, Головаха, 2001]. Это, с одной стороны, продолжение функционирования несколько модифицированных прежних социальных институтов как проявление “советского наследия” времен СССР, а с другой — образование ряда новых институтов в соответствии с изменившимися условиями. И уже тогда эти известные социологи рассматривали именно доверие в качестве основы легитимности социальных институтов и подчеркивали, что граждане, доверяющие, например, политическим институтам, в последние годы их наблюдений составляли редкие исключения.

Полагаю, это было обусловлено рядом обстоятельств. И прежние, и новые социальные институты создавались преимущественно “сверху” и обычно в форме самоорганизации господствующей в экономическом или политическом плане верхушки, в результате чего в якобы независимой Украине были созданы такие институты, как олигархат и властимущие. За редким исключением все попытки населения образовать свои социальные институты “снизу” либо подавлялись, либо существовали латентно, либо легитимировались исключительно в выгодных правящим кругам проявлениях — от “бригад коммунистического труда” до пионерии. Поэтому в Украине в конце XX — в начале XXI века непрерывно углублялась пропасть между официальными социальными институтами и населением, между ростками низового гражданского общества и государством, проявлением чего и был рост недоверия практически ко всем политическим институтам, фиксировавшийся социологами. И когда народ окончательно утратил веру в способности этих “институтов верхушки” радикально оновить ситуацию в стране, ввести реальную демократию, гарантию прав человека, проложить путь в Европу, достичь нормального уровня жизни рядовых граждан, тогда и случились Майданы, основанные на доверии их участников друг к другу. Уже с 2005 года появились признаки формирования этих новейших социальных институтов “снизу” в качестве форм самоорганизации субъектов общественной жизни, создававшихся экономически и политически свободными

гражданами с высоким уровнем социальной самоидентификации и адекватным осознанием своих интересов, а базовым принципом объединения было доверие друг к другу и одновременно недоверие к коррумпированной власти и олигархам. Это можно было бы считать началом конца эпохи “двойной институционализации” и переходом к так называемой низовой демократии в виде зарождения новейших “народных” институтов, например волонтерства, в Украине, хотя это допущение требует дополнительной научной разработки. К этому побуждают, в частности, суждения Н.Паниной и Е.Головахи из цитируемой статьи касательно наличия хотя бы трех институциональных атрибутов, необходимых для признания тех или иных феноменов социальной самоорганизации в качестве социального института (легальность, легитимность, институциональная инфраструктура), а также размышления В.Оссовского о существенных признаках социальных институтов, субъектах их создания и об общественном мнении, которое также может принимать формы влиятельного социального института несмотря на ментальный способ его бытования [Інтерпретації соціологічні, 2013], и т. п.

Не в последнюю очередь в доработке нуждается и понятийно-категориальный аппарат исследования процессов новейшей институционализации в отношении волонтерства. В переводе с французского “волонтер” означает “доброволец”; отечественные социологи из Фонда “Демократические инициативы” им. И.Кучерива и Центра Разумкова сейчас разводят два понятия (волонтеры и добровольческие батальоны) в рейтингах доверия на две отдельные позиции. С одной стороны, это хорошо, ведь добровольческие батальоны также имеют позитивный баланс доверия среди населения и добавляют массовости волонтерскому движению. С другой — возникает вопрос, чем являются добровольческие батальоны в Украине — отдельной составляющей института волонтерства или автономным парамилитаристским образованием нового, не известного раньше в Украине типа в составе главного политического института страны — государства? Если справедлив первый вариант, то это разнообразит структуру института волонтерства, но одновременно подтверждает разный уровень легитимности и легитимации его ветвей с разным уровнем сформированности институциональных инфраструктур. Если же выбрать второй вариант (ведь практически половина этих батальонов сегодня вошла в ряды ВСУ или Национальной гвардии и таким образом стала частью института государства), то задача исследователей усложняется и требует выяснения рамок и границ существующих в стране социальных институтов всех трех типов, а возможно, и признания “внесферного” мультипликационного характера новообразованных институтов безотносительно к их традиционному делению в социологии по главным сферам деятельности. Пока что ограничимся анализом такого стрелка института волонтерства, как собственно благотворительная деятельность на принципах доверия, и подождем дальнейшей судьбы законопроекта № 4101 “О расширении круга лиц-добровольцев АТО”, поданного в Верховную Раду для уточнения и установления терминологии хотя бы в этом круге понятий.

Признанием роста общественной значимости института волонтерства в нынешнем украинском обществе является эволюция рейтингов доверия в его пользу и изменения в соотношении типов и носителей доверия. Если недавно в рейтингах доверия первенство среди социальных институтов безусловно принадлежало церкви, то с весны-лета 2015 года общественные во-

лонтерские организации занимали третью ступеньку (согласно данным исследований Research Branding Group, с 57% голосов респондентов), а июльский 2015 года опрос Центра “Демократические инициативы” и Центра Разумкова впервые вывел на верхнюю позицию среди 16 социальных институтов именно волонтеров: им доверяют 67% опрошенных, тогда как не доверяют 23%; то есть баланс “доверия — недоверия” составляет + 44% [Кому більше довіряють, 2015]. Этот тренд — лидерство волонтеров что касается доверия к ним — в декабре 2015 года подтвердили данные Киевского международного института социологии, касавшиеся 14 подобных институтов практически с таким же балансом [Довіра до соціальних інституцій, 2015]. Первое место волонтеров в рейтингах доверия фиксируют также данные других уважаемых социологических центров страны (см.: [Національний банк досліджень, 2015–2016]). Таким образом, волонтерство заслуживает внимания социологов по разным причинам:

- вследствие массовости и типичности этого движения;
- поскольку оно составляет новейший низовый социальный институт синтезированного характера, идущий на смену прежним, советских времен, и новым, начала эпохи независимости, социальных институтов и действующий не в одной, а одновременно в разных сферах жизнедеятельности украинского общества;
- потому что в отношении волонтерства фиксируется доверие около двух третей граждан страны.

Более того, собственно волонтерство на основе растущего доверия к участникам этой деятельности породило и соответствующие очаги пока что неформального, выстроенного “снизу” качественно нового типа гражданского общества в стране. Обобщая, можно утверждать, что в стране наблюдается переход от сообществ гемайншафтного типа к общинам как организованным общностям и главным субъектам этого гражданского общества, которые поначалу выступали в оппозиции и в ситуации массового недоверия к властному режиму Януковича, а затем, с избранием новых ветвей власти, инициировали новые типы отношений с ними с увеличением веса паритетных начал, транспарентности, общественной инициативы и контроля. Увлеченные конфликтами между властью и оппозицией в течение почти всего периода существования независимой Украины, политики, ученые, аналитики как в нашей стране, так и за ее пределами практически не заметили появления нового игрока на политической арене — гражданского общества, состоящего не из мнимых (известных ранее), а из реальных, нередко очень хорошо организованных общин и негосударственных организаций, основополагающим принципом объединения в которые выступают доверие к членам этих образований и одновременно недоверие или либо к властным структурам, либо к антиукраинским социальным силам. Далее, еще одной из задач для социологов можно считать рефлексии и эмпирические исследования масштабного процесса реализации потенциальной влияния сил доверия в создании разнообразных социальных феноменов — от организованных сообществ/общин до низовых социальных институтов, а также изучение механизмов сотрудничества и взаимодействия между ними, когда каждый росток поддерживает другие и со своей стороны опирается на них. Поэтому волонтерство сегодня можно считать объектом повышенного внимания для отечественных социологов и благодаря тому, что оно, будучи но-

вейшим социальным институтом, переформатирует ситуацию двойной институционализации в Украине, и потому, что оно создает реально действенное гражданское общество, и оба эти процесса идут “снизу” и базируются скорее на доверии, чем на его антиподе. В то же время указанная ситуация обуславливает ряд новых исследовательских вопросов: как соотносятся гражданское общество и новейшие социальные институты, являются ли они вполне самостоятельными акторами публичной сферы или же работают по принципу сообщающихся сосудов? Первые размышления по этому поводу содержатся в монографии В. Степаненко, где, в частности, говорится, что, “помимо институционального пространственного измерения, гражданское (цивильное) общество характеризуется своей особой ценностной природой, системой норм и ценностных регуляций...” [Степаненко, 2015: с. 22]. Это же можно сказать и в отношении волонтерства как социального института; таким образом, круг исследовательских задач непрерывно расширяется.

По моему мнению, институт волонтерства и гражданское общество можно считать двумя каналами реализации доверия и доверительных отношений, между которыми нет жестких границ. В их отношениях с государством и властью, в отличие от почти полного противостояния в недавнем прошлом, появляются первые признаки взаимодействия и сотрудничества. Идеальным вариантом на будущее для Украины было бы постепенное формирование такой ситуации, при которой эти две ветви гражданских инициатив и активностей, вырастающие на почве доверия, будут действовать вместе с государством, способствующим развитию (подробнее о таком варианте см.: [Кутуев, Якубин, Герчанівський, 2015: с. 16]). Но, к сожалению, эти сюжеты все еще остаются на обочине научного поиска отечественных социологов или традиционно изучаются в привязанности к определенному внутреннему кругу проблем, так сказать, “посферно”.

Массовое волонтерское движение в Украине, а также институт волонтерства в своем становлении и развитии все больше структурируются и специализируются, а их институциональные атрибуты становятся все более выраженными и устойчивыми. Двумя главными полями его деятельности являются (1) военное и (2) гражданское. В каждом из них я выявляю наиболее распространенные и заслуживающие общественного внимания профили. В отношении первого поля (за исключением организации и комплектации добровольческих батальонов, о чем речь шла выше) профили волонтерства выглядят так:

- снабжение украинской армии и добровольческих батальонов оружием и другим военным снаряжением и их производство (от бронежилетов и кевларовых шлемов до беспилотников);
- ремонт и восстановление военной техники;
- производство и передача в войска предметов вещевого и тылового обеспечения (маскировочных сеток, “буржук”, полевых бань, именных жетонов, фасовка сухих пайков и т.п.);
- развитие коммуникаций между волонтерами и военными подразделениями на передовой, логистические услуги, адресная помощь (переход от цепочки “привезли — вывезли” к цепочке “доставили — закрыли точечную проблему”);

- отслеживание и прекращение преступных действий в зоне АТО, таких как коррупция, кражи поставок в военной сфере и др.;
- оказание юридических услуг типа получения статуса УБД (участника боевых действий), отслеживание представления к наградам и т.п.;
- оказание медицинских услуг как на линии фронта, так и в тылу, в том числе по протезированию конечностей;
- поиск пропавших без вести и обмен пленными;
- поиск и идентификация тел погибших участников АТО как из рядов ЗСУ, так и из добровольческих батальонов (с 1 сентября 2014 года группами военно-гражданского сотрудничества и волонтерами в рамках проекта “Эвакуация 200” найдено и эксгумировано 614 тел и остатков тел погибших; создана также специальная волонтерская группа “Черный тюльпан”) и т.п.

В последнее время волонтеры начинают предоставлять нашим военным услуги качественно нового типа, требующие интеллектуальных усилий, знаний, умений и навыков, а именно: создание уникальных систем управления войсками, систем связи между воинскими подразделениями, учебных военных программ для подготовки кадров, разработка других системных программных решений.

Наиболее выразительным проявлением новых доверительных связей стала волонтерская помощь в создании Вооруженных сил Украины и в дальнейшем реформировании Министерства обороны страны. Поздней осенью 2014 года осуществлен первый, а через 9 месяцев — второй “волонтерский десант” к Министерству обороны, когда соответственно 9 и 6 самых активных представителей волонтеров образовали Координационный штаб волонтеров “Сармат”. Все они на момент написания данной статьи стали сотрудниками МОУ. Кроме того, еще свыше 140 участников АТО (многие из которых являются волонтерами) назначены на руководящие должности в рамках обновления руководящего состава в структурах Минобороны [Полтораки, 2015].

В последнее время произошла трансформация волонтерской деятельности в МОУ, поскольку свою главную задачу волонтерский десант в принципе реализовал и государство наконец начало выполнять свои прямые полномочия в отношении армии. Поэтому при МОУ сейчас остался работать волонтерский Проектный офис реформ (ПОР) под руководством А.Загороднюка. С весны 2015 года этот офис реализует 10 проектов по 4 направлениям: его задачами являются совершенствование системы материального обеспечения войск, разработка системы прозрачных государственных закупок, содействие эффективному функционированию воинской медицины и осуществление контроля за деятельностью госпредприятий, работающих для военной сферы. ПОР действует при МОУ, но не является государственной структурой, что гарантирует его независимость; работает он преимущественно с помощью экспертов.

Отдавая должное волонтерским инициативам в военной сфере, следует указать, что они востребованы только тогда, когда государство оказывается бессильно или неэффективно в выполнении своих прямых обязанностей. Это находит проявление и в назначениях лидеров волонтерского движения на высокие государственные должности; наиболее ярким примером этого

стало назначение Г.Туки главой Луганской военно-гражданской администрации 22 июля 2015 года (Г.Тука был основателем волонтерской группы «Народный тыл» с апреля 2014 года). Это также проявление постепенной легализации и легитимации волонтерства как социального института нового типа. Он постепенно встраивается как в украинское государство, так и в систему международных воинских институтов. Так, в феврале 2016 года прошел I Форум по обороне и безопасности Украины, где имела место координация всех существующих инициатив по реформированию оборонной сферы с участием представителей МОУ, Генштаба ВСУ, НАТО, ПОР и волонтерского сообщества [Реформами будет заниматься ..., 2016].

Вторым направлением деятельности волонтерских и прочих негосударственных организаций и движений является их активность в сравнительно мирном кругу общественной жизни в стране, фактически находящейся в состоянии войны с российским агрессором и сепаратистами. Хотя по своим масштабам эта активность меньше, все равно усилия волонтерских общин и добровольческих объединений и здесь довольно заметны и приобретают все большую специализацию. Необходимо подчеркнуть, что между военными и мирными/гражданскими полями общественной жизни нет непреодолимой пропасти, о чем свидетельствует приведенное далее схематическое распределение волонтерских инициатив:

- помощь (от финансовой до соведательной и консультативной правовой) семьям участников АТО, прежде всего из добровольческих батальонов;
- поддержка семей погибших воинов и волонтеров;
- реабилитация демобилизованных бойцов АТО, в том числе из добровольческих батальонов;
- привлечение финансов для благотворной деятельности по обеспечению воинов АТО и добровольческих батальонов путем организации выставок, продажи сувениров, проведения книжных ярмарок, аукционов по продаже использованных вещей, сбор добровольных пожертвований и пр.;
- помощь переселенцам из Крыма и Донбасса (в частности в Киеве усилиями нескольких групп волонтеров планируется создать хаб, или специальный центр по принципу единого открытого окна по всем проблемам для этой категории граждан).

Речь также идет о следующих направлениях деятельности:

- поддержка недееспособных граждан, пожилых людей без опеки семьи и других уязвимых социальных групп;
- активное участие в экологических движениях разной направленности, в частности международного масштаба, где волонтеры Украины часто выступают инициаторами инноваций;
- развитие культуры и спорта, прежде всего для детей и юношества;
- юридическая защита прав граждан;
- помощь в создании вспомогательных интернет-центров для упрощения ведения делопроизводства в государственных структурах (в частности, днепропетровские интернет-волонтеры помогли ввести онлайн-систему оформления субсидий и предлагают молниеносное установление ее по всей Украине; позже эти волонтеры внедрили

оказание административных услуг и справок через систему “электронного правительства”, которая в последнее время стала официальной. Благодаря этой системе в конце 2015 года в Днепропетровской области ее жители смогли получить 115 подобных услуг. Она начинает работать в большинстве областей страны, хотя четыре области — Харьковская, Кировоградская, Полтавская и Сумская — в конце 2015 года вообще не предоставляли таких услуг. Не следует забывать, что оказание такого рода услуг, как разнообразные справки, регистрация субсидий, автомобилей и пр., нередко служит источником получения взяток на бытовом уровне, поэтому это можно считать примером участия волонтеров в антикоррупционной деятельности. В конце 2015 года в стране в целом было доступно оказание 214 услуг в он-лайнном режиме; за 7 месяцев 2015-го в этой электронной системе зарегистрировано 600 тыс. пользователей. В 2016 году планируется запуск в он-лайнном режиме 1200 таких услуг по всей стране. Это свидетельствует о формировании своеобразной цепочки: “волонтерский проект от гражданского общества — переход его на баланс государства (через аудит)”, что так же, как в военной сфере, является одним из примеров легализации и легитимации волонтеров, создания новейшей инфраструктуры [Некрасов, 2016];

- все более разнообразная инновационная деятельность волонтеров с применением новейших технологий, о чем свидетельствует разработка волонтерами системы электронных торгов ProZorro и ее дальнейшее внедрение в снабженческие практики благодаря и при содействии Министерства экономического развития и торговли (МЭРТ). К февралю 2016 года с использованием этой системы состоялось 52 тыс. объявленных торгов при участии 3 тыс. заказчиков с общей суммой закупок на 12,3 млрд грн, с привлечением 10 тыс. поставщиков. Экономия от подобного внедрения составляла 12%; такую систему со временем введут для всех государственных закупок; среди областей-лидеров первенство в феврале 2016 года принадлежало Днепропетровской области с 3039 тендерами на основании системы ProZorro, аутсайдером оказалась Сумская область с 34 такими тендерами [Нефьодов, 2016];
- начало деятельности по созданию общественных проектов законов, их публичной гражданской экспертизе и поиску путей воздействия на Верховную Раду с целью их принятия, что является конкретным каналом реализации эффективного контроля за результативностью политических инициатив “снизу”;
- зарождение общественных организаций с международным участием и участием волонтеров для обслуживания/посредничества в конкретных проектах для украинского правительства (сейчас действуют инициативы по вопросам энергетической независимости, субсидий, децентрализации, проведения инвест-форумов, создания региональных медиа-центров на Востоке, например, ГО “Change Communications”, образованное волонтерами для таких целей в октябре 2014 года. Ныне в нем работают 370 экспертов и 92 партнера, в том числе из некоторых посольств — США, Великобритании, Норвегии, а также Мирового банка и Еврокомиссии) [Делікатна ..., 2015].

Примечательной особенностью становления новейшего института волонтерства и в военной, и в мирной сфере можно считать увеличение масштабов существующих волонтерских организаций и объединений. Среди них “Вернись живым”, “Крылья Феникса”, “Народный тыл”, “Армия SOS”; переданная ими суммарная финансовая помощь фронту только в 2015 году составляла 173 млн грн. Наибольшим доверием среди волонтерских организаций пользуются те из них, которые имеют электронную отчетность (“Народный проект” и “Combat-UA”) [Дейнега, 2016].

Подобные примеры можно продолжать; все новые формы объединения волонтерских благотворительных инициатив, активностей и участия появляются чуть ли не ежедневно. На начало 2016 года уже можно сформулировать некоторые обобщения в отношении их.

(1) Волонтерство можно считать новым для Украины и эффективным новейшим социальным институтом, основанным “снизу” на межличностном и межгрупповом доверии; он имеет должные институциональные атрибуты (легальность, легитимность, институциональную инфраструктуру, согласно Н.Паниной и Е.Головахе), а также присущий им набор сущностных признаков (по В.Оссовскому): (а) наличие хоть и малочисленного, но социально активного слоя среднего класса, способного сформулировать и озвучить как общественные интересы в целом, так и интересы и стремления социально уязвимых групп украинского общества; (б) начало формирования политических ячеек и партий с основой в волонтерских организациях как выразителях и промоутерах народных инициатив; (в) начало диалога с властными структурами всех уровней с целью продвижения своих проектов и осуществления действенного общественного контроля; (г) представленность лидеров волонтеров на разных ступенях власти, в частности в Верховной Раде; (д) наличие обратной связи в виде реакции властных структур на инициативы волонтеров и их организаций. Предметом социологического анализа волонтерство (и доверие как его базу) делает также увеличение его проявлений в жизни современного украинского общества и присущий ему массовый характер.

(2) В последнее время происходит процесс расширения масштабов волонтерской деятельности с ее распространением в правительственные структуры, включая высшие уровни, на основании развития институционализированной разновидности доверия.

(3) Доверие как краеугольный камень формирования института волонтерства становится менее эмоционально окрашенным и более рационализированным и все больше воплощается в интеллектуальной по характеру волонтерской деятельности, связанной с использованием современных информационно-коммуникационных технологий и социальных сетей в интернете.

(4) Доверие постепенно перестает быть сугубо ментальной формой внутренней жизни индивида и превращается в действенную составляющую повседневных практик, что находит проявление в разнообразных волонтерских инициативах и предметных активностях, связанных ныне не столько с денежными взносами (как это было недавно), сколько с непосредственным участием.

(5) Деятельность института волонтерства становится все более специализированной, профильной, обслуживает все больше сфер жизнедеятель-

ности украинского общества, что позволяет реализовать принцип углубления разделения труда в этой сфере, а значит, способствует социальной мобилизации и социальной солидарности.

(6) На принципах доверия на всех уровнях начинается создание международных сетей волонтерского движения, что делает новейший институт волонтерства глобальным явлением.

(7) Формирование и функционирование новейшего института волонтерства, основанного на разных уровнях доверия, осуществляется параллельно с процессом превращения сообществ в организованные общины как ячейки реально действующего гражданского общества; тем самым они постепенно превращаются в ведущих акторов в диалоге с властью и государством.

Конечно, не следует увлекаться исключительно позитивным представлением института волонтерства в Украине и преувеличивать значение доверия в жизни всего украинского общества; справедливости ради нужно признать, что доверительные отношения иного, отличного от представленного в статье, типа объединяют и антиукраинские силы на Донбассе и в Крыму. Поэтому есть смысл изучать разновидности и типы доверия и доверительных отношений в нашем обществе в паре с недоверием. Амбивалентность также присуща проявлениям доверия и доверительных отношений, как и в целом сознанию “человека постсоветского”; у одной личности доверие к низовым социальным институтам и объединениям может сосуществовать с недоверием к властным структурам и олигархам или к политическим оппонентам; также доверие к одним волонтерским объединениям может сочетаться у человека с недоверием к другим волонтерам; известны также случаи, когда недоверие является этапом формирования доверия — и наоборот. Как бы там ни было, но отечественная социология только приступает к разработке этой разветвленной тематики и делает в этом многомерном пространстве лишь первые шаги.

И в заключение следует также отметить, что отношения между волонтерами и государством в последнее время демонстрируют досадную тенденцию к ухудшению: если в самые тяжелые времена существования страны (2014–2015 годы) властные органы с радостью принимали помощь волонтеров и, как говорят сами волонтеры, “иногда даже благодарили за нее”, то с конца 2015-го — в начале 2016 года эти отношения начали портиться. Речь идет о препятствиях и прямом вмешательстве в деятельность политических партий, построенных в основном на волонтерских инициативах (имею в виду “УкрОП”), арестах и преследованиях волонтеров или членов их семей и т.п. Но и со стороны некоторых волонтеров наблюдаем кражи или присвоение собранной помощи, участие в коррупционных действиях, сочетание прообщественных поступков с антиобщественными и т.п. Все это требует более активного социологического изучения и осмысления новых социальных реалий, связанных со становлением и функционированием новейших социальных институтов, зарождающихся буквально на наших глазах в атмосфере роста доверия. Сегодня социологи имеют уникальную возможность исследовать эти новые процессы и явления и одновременно быть их участниками.

Источники

Головаха Є.І. Пострадянська деінституціоналізація і становлення нових соціальних інститутів в українському суспільстві / Н. Паніна, Є. Головаха // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 5–22.

Дейнега В. Жертвувати на армію можна лише 3–4 організаціям [Електронний ресурс] / В. Дейнега. — Режим доступу : www.glavkom.ua/news/366132.html.

Делікатна І. Що таке Change Communications і чим ми займаємося [Електронний ресурс] / І. Делікатна. — Режим доступу : www.pravda.com.ua/columns/2015/08/27/7079241.

Довіра до соціальних інституцій та груп [Електронний ресурс]. — Режим доступу : www.kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=579&page=2.

Іващенко О. Про оновлений канон Гіденса / О. Іващенко // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2015. — № 3. — С. 188–196.

Кому більше довіряють українці: владі, громадськості, ЗМІ? — загальнонаціональне опитування [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://dif.org.ua/ua/polls/2015a/komu-bilshe-doannja.htm>.

Кульчицький О. Риси характерології українського народу / О. Кульчицький // Енциклопедія українознавства. Загальна частина. — К. : Ін-т укр. археографії та джерелознавства НАН України, 1995. — С. 708–718.

Кутуєв П. Держава, що сприяє розвитку / П. Кутуєв, О. Якубін, Дм. Герчанівський // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2015. — № 4. — С. 3–19.

Національний банк досліджень [Електронний ресурс]. — Режим доступу : <http://ukraine.survey-archive.com>.

Некрасов В. Хто досяг успіху, а хто провалився. Підсумки впровадження електронних держпослуг в регіонах [Електронний ресурс] / В. Некрасов. — Режим доступу : www.erpravda.com.ua/publications/2016/01/13/576226.

Нефьодов М. Система ProZorro назвала лідера і аутсайдера серед областей за кількістю держтендерів [Електронний ресурс] / М. Нефьодов. — Режим доступу : www.socportal.info/?=socportal+2016+02+16%20ProZorro.

Общество без доверия / под ред. Е. Головахи, Н. Костенко, С. Макеєва. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2014. — 338 с.

Оссовський В. Проблема інституціоналізації громадської думки / В. Оссовський // Інтерпретації соціологічні: Пам'яті В.Л. Оссовського / [уклад. Н.В. Костенко]. — К. : Ін-т соціології НАН України ; Вища шк. соціології, 2013. — С. 88–108.

Полторак С. Более 140 участников АТО назначены на руководящие должности в Минобороны и ВСУ [Електронний ресурс] / С. Полторак. — Режим доступу : www.censor.net.ua/news/346983/bolee_140_uchastnikov_ato_naznacheny_nf_rukovodyaschie_doljnosti_v_minoborony_i_vsu_poltorak.

Реформами будет заниматься совместный орган Минобороны, Генштаба, НАТО, волонтеров и международных советников [Електронний ресурс]. — Режим доступу : www.censor.net.ua/news/375117/reformami_budet_zanimatsya_sovmestnyu_organ_minoborony_genshtaba_nato_volonterov_i_mezhhdunarodnych_sovetnikov.

Степаненко В. Громадянське суспільство: дискурси і практики Степаненко В. — К. : Ін-т соціології НАН України, 2015. — 420 с.